

И та явилась, боль свою поправ,
Наперекор своей сердечной ране,
Готовая любым из приказаний
Покорствовать. Колени преклонив,
Она благодарила за призыв.

«Гризельда, – молвил он, – моей невесте
Что завтра будет здесь, хочу прием
Я оказать заслуженный по чести.
К нему быть должен подготовлен дом
Так, чтобы всем гостям достались в нем
Места достойные и непременно
Чтоб были все обслужены отменно.

Но у меня нет женщины такой,
Которая б могла блюсти палаты.
Хочу поэтому, чтобы тобой
Бразды правленья были в доме взяты.
Ведь в нем хозяйничала ты когда-то
И знаешь все. Хоть жалок твой наряд,
Я, если мне поможешь, буду рад».

«О господин, – Гризельда отвечала, –
Я полагаю высшей из отрад
Всю жизнь служить вам верно, как, бывало,
Служила раньше – столько лет подряд.
Мне никаких не надобно наград,
Прошу лишь разрешить мне с той же силой
Любить вас, господин мой, до могилы».

И, так промолвивши, она тотчас
Приготовлять столы, стелить постели
И украшать палаты принялась;
Прислугу собрала для этой цели
И торопила всех, чтобы успели
Пыль подмести повсюду без помех,
Сама работала прилежней всех.

Часу в девятом прибыли со свитой
Граф и детей державная чета.
Народ глазел на поезд именитый,
Чьи дивны были блеск и красота.
И шепот тут пошел из уст в уста:
«Хулить маркграфа было бы зазорно, –
На смене жен он выгадал бесспорно.

Красивей первой новая жена
Во много раз да, кстати, и моложе;
Детей прекрасных народит она,
Маркграфского она достойней ложа».
Брат девушки очаровал всех тоже.
В конце концов народ решил, что прав
Был в поведении своем маркграф.

«О ветренная чернь! Душой неверной